

Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

УДК 343.22(73)
ББК Х408.131.11

DOI: 10.14529/law190401

СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В США: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Ю. А. Воронин, И. М. Беляева, Т. В. Кухтина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Статья посвящена анализу эволюции стратегии США в борьбе с терроризмом после событий 11 сентября 2001 г. и по настоящее время. Авторы представляют обзор элементов и тенденций современного развития системы противодействия как внутреннему, так и международному терроризму, раскрывают процесс многостороннего сотрудничества между США и другими государствами для решения этой задачи. В статье дается оценка степени эффективности предпринимаемых Соединенными Штатами шагов по реализации мер противодействия терроризму. Сделан вывод о том, что существующий концептуальный подход к профилактическому элементу стратегии США в борьбе с терроризмом нуждается в существенной модернизации.

Ключевые слова: правовое регулирование, террористические преступления, национальные интересы Соединенных Штатов, международное сообщество, стратегия национальной безопасности, борьба с терроризмом.

1. После трагических событий 11 сентября 2001 г. власти США предприняли беспрецедентные меры, направленные на борьбу с терроризмом. Речь идет, в частности, о целом ряде законодательных актов, призванных обеспечить, по мнению правительства страны, решение задач как внутренней, так и международной безопасности Соединенных Штатов от террористической угрозы [10]. К их числу относится прежде всего Акт 2001 года «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, необходимыми для пресечения и предупреждения терроризма» (Патриотический Акт) [11]. В дальнейшем на протяжении почти двух десятилетий был принят целый ряд других законодательных актов, определивших уровни и содержание американской стратегии противодействия терроризму в новых условиях. Положения федеральных законов были включены в Свод законов Соединенных Штатов – в Раздел 18 этого документа, в частности в Главу 113В (Chapter 113В), содержащую нормы, посвященные различным аспектам проблемы терроризма. Эти нормы касаются в том числе вполне естественной в современной ситуации дифференциации мер борьбы с терроризмом на внутреннем (национальном) и внешнем

(международном, транснациональном) уровнях их реализации. В соответствии с упомянутым в законе делением указанных уровней осуществления антитеррористических мер формулируются понятия внутреннего и внешнего терроризма.

Так, согласно Разделу 18 Свода законов США внутренний терроризм предполагает опасное для жизни людей и нарушающее законодательство Соединенных Штатов или отдельных штатов деяние, которое замышляется и совершается с целью запугать гражданское население путем угроз осуществления террористического акта либо фактического совершения такого деяния с целью повлиять на способность правительства руководить страной. Определение международного терроризма также содержится в Своде законов США и означает (А) насильственные или иные действия, представляющие опасность для человеческой жизни, являющиеся нарушением уголовного законодательства США или иного государства; (В) действия, совершаемые с целью запугать гражданское население либо оказать влияние на политику правительства; (С) действия, которые имеют место изначально вне территориальной юрисдикции Соединенных Штатов или за преде-

лами их национальных границ, но совершаемые преступниками с целью запугать или вынудить США или ту страну, где находится преступник, к удовлетворению требований террористов [4].

Особенно отчетливо развитие контртеррористической стратегии обоих уровней нашло отражение в Акте «Новая стратегия национальной безопасности США», принятом в феврале 2015 года. В число главных угроз этой безопасности упомянутый законодательный акт включает деятельность террористических группировок, а также структур организованной преступности, наносящих ущерб жизненным интересам мирового сообщества, правам и свободам личности. В названном акте американский законодатель сформулировал гибкий стратегический подход к проблеме, предусматривающий сочетание комплекса целенаправленных контртеррористических акций во взаимодействии с государствами-партнерами и, кроме того, реализацию превентивных мер борьбы с насаждаемой среди населения Соединенных Штатов экстремистской идеологией на расовой, религиозной почве или на основе антиправительственной мотивации [14].

Примечательно, что одновременно ряд положений этого и других принимаемых Конгрессом США законодательных актов был призван отчасти смягчить тотальный характер телефонного прослушивания, бесцеремонность сбора конфиденциальной информации и несанкционированной судами слежки за гражданами, не имеющими отношения к террористической деятельности [12]. Но ситуацию с ущемлением спецслужбами гражданских прав это радикально не изменило. По-прежнему под предлогом борьбы с внутренним терроризмом ими практикуется применение телефонного прослушивания и электронного наблюдения с упрощенным порядком получения судебного приказа для осуществления этих действий или просто санкции прокурора, минуя судебный порядок. По-прежнему допускается возможность проведения досмотра или обыска помещения без уведомления его владельца. Очевидно, американскому законодателю это видится вполне логичным при существующем сегодня уровне террористической угрозы. Однако трудно не согласиться со справедливой оценкой специалистов, отмечающих неоднозначный характер направленности системы упомянутых законо-

дательных мер, и прежде всего существенное сужение при их осуществлении конституционных прав и свобод граждан под предлогом противодействия волне терроризма в США, а также в других государствах мира [3]. Таким образом, как справедливо констатируют исследователи этой проблемы, в современном комплексе мер противодействия Соединенными Штатами терроризму (как на внутреннем, так и международном уровнях) отчетливо прослеживается преемственность с тем, что предпринималось в этом отношении ранее.

Одновременно нельзя не признать, что новые угрозы со стороны террористов в XXI веке заставили США существенно пересмотреть свои антитеррористические программы и соответствующее законодательство, а также разработать дополнительные меры антитеррористического характера [5]. Причем в равной мере это касается как элементов стратегии осуществления данных мер (военного, политико-экономического, технического и иного характера), так и уровней их реализации (и национального, внутреннего, так и транснационального, международного), в том числе в рамках сотрудничества с другими государствами.

2. Исходя из принятого в Соединенных Штатах постулата о том, что способность страны защитить себя от террористических актов зависит преимущественно от использования государством вооруженных сил, руководство США отдает приоритет именно данному элементу в реализации стратегии антитеррора. В этой связи, касаясь военного комплекса антитеррористических мер, следует констатировать, что его цели и содержание хотя и сформулированы еще в 90-е годы XX века [8], но продолжают развиваться довольно интенсивно сегодня. Базируются они на так называемом «принципе соразмерности»: военный ответ США должен быть соразмерен террористическому нападению, его спровоцировавшему, и выражаться в виде ударов по объектам и базам террористов. То, как воплощается эта концепция на практике, демонстрируют данные исследования Н. Кроуфорд, проведенного в Брауновском университете. Согласно этому исследованию с сентября 2001 года по 2018 год в войнах в Афганистане, Ираке и Сирии, в которых участвовали и Соединенные Штаты, погибло 480 тыс. человек, еще 10 млн. человек стали

беженцами. Причем Пентагон заявил, что с 11 сентября 2001 г., когда произошли теракты в Нью-Йорке, и до конца 2018 года на военные антитеррористические действия потрачено порядка 1,7 триллиона долларов. Эта сумма включает в себя не только затраты на войны в Ираке, Афганистане и Сирии, но также и на боевые операции в ряде стран, проведение которых американская администрация оправдывает разрешением на борьбу с терроризмом, выданным Конгрессом Белому дому после терактов 2001 года. Однако в упомянутые расходы министерства обороны включают лишь часть затрат на эту войну с терроризмом, как указывает Н. Кроуфорд. И если США продолжают траты в таком же масштабе, то даже в случае завершения всех войн к 2023 году суммарные расходы составят 6,7 триллиона долларов, не включая расходы по государственному долгу [6].

3. Очень важной формой реализации национальной политики давления на террористические структуры выступает последовательное усиление защиты Соединенных Штатов с помощью электронных технологий. Прежде всего речь идет о соответствующей стороне деятельности Национального контртеррористического центра США, Национального Агентства Безопасности (АНБ), Центра защиты национальной инфраструктуры в составе ФБР, Государственного департамента, Государственного казначейства США, а также целого ряда других государственных структур, сотрудничающих в рамках так называемых «Совместных антитеррористических сил» (Joint Terrorism Forces) по всей территории страны. И это не случайно. Как справедливо отмечают эксперты, атаки на компьютерные сети, включая распространение компьютерных вирусов, играют все более важную роль не только в политических, но в особенности в военных операциях XXI века. В сущности, война с применением информационных технологий стала новой концепцией в рамках военной стратегии. Соединенные Штаты осознают угрозу террористических акций в сфере электронных технологий и принимают соответствующие контрмеры [2, 5]. Среди них – интенсивное развитие национальной сети рабочих групп упомянутых секретных служб по предотвращению, обнаружению и расследованию различных электронных террористических атак на жизненно важные инфраструктуры и финансово-платежные

системы США. Сюда же следует отнести и развитие специальной электронной базы ФБР об организациях и лицах, причастных или потенциально причастных к внутреннему и международному терроризму (Terrorist Screening Database).

4. Усиление в XXI веке транснационального терроризма естественным образом генерировало еще более интенсивное развитие международного (транснационального) элемента стратегии США, а именно: более активное противодействие терроризму на международном уровне как угрозе национальной безопасности страны. Ведь как уже отмечалось, основное свойство международного терроризма в интерпретации американского законодателя – это выход им за рамки национальных границ Соединенных Штатов посредством посягательства на иностранного потерпевшего, совершения теракта на территории иностранного государства или попытки виновников скрыться (после осуществления террористического акта) в другом государстве вне территориальной юрисдикции Соединенных Штатов [10].

Причины усиления этой тенденции достаточно очевидны. Ведь примечательной особенностью современной стадии эволюции терроризма являются уверенное приобретение им (как это свойственно организованной преступности) транснационального характера, появление и распространение международных террористических организаций с глобальной сетевой структурой, высокой мобильностью и настойчивым расширением своего влияния. Пример тому – так называемые «ИГИЛ», «Аль-Каида» (запрещенные в России) и другие террористические группировки. И совершенно логично, что эта тенденция должна была вызвать адекватную реакцию со стороны Соединенных Штатов [10]. Не случайно поэтому США все упорнее интегрируются в международное противостояние с транснациональным терроризмом, расширяют зоны своего влияния в области борьбы с ним. Правда, как уже отмечалось, Соединенные Штаты попутно сопровождают это расширением зон своего военного присутствия в ряде регионов мира, в частности в Афганистане, Ираке, Сирии, нередко выходя за рамки соблюдения норм международного права.

Не менее характерным является также неуклонное развитие такого транснационального элемента антитеррористической дея-

тельности США, как последовательная нейтрализация источников финансирования международных террористических организаций, замораживание принадлежащих им и государствам-спонсорам терроризма активов. Круг источников финансирования террористической деятельности чрезвычайно широк и не исчерпывается исключительно криминальными способами изъятия финансовых средств. Более того, основными из них являются пожертвования и иная финансовая помощь единомышленников террористов, религиозных организаций, государств-спонсоров путем осуществления переводов через банковские и другие финансовые структуры. Так или иначе это позволяет придать таким финансовым операциям легальный характер.

Принимая во внимание основополагающую роль этих источников в финансировании терроризма, Соединенные Штаты придают особое значение выработке практических мер по созданию эффективной системы контроля над финансовыми потоками и выяснению легальности финансовых операций. В соответствии с положениями антитеррористического законодательства, в США создана специальная национальная Программа против отмыwania денег, связанных с финансированием террористов. В развитие упомянутой программы сформулирована ежегодно обновляемая Государственная стратегия борьбы с отмыwанием «грязных» денег, представляемая министром финансов страны на утверждение Конгрессу [4]. Она содержит в ряду других регулирующих мер механизм осуществления комплексного надзора в банковской сфере, включая развитие системы предоставления спецслужбам сведений о вызывающих подозрение финансовых операциях, в частности, если это касается транзакций с вовлечением финансовых учреждений, находящихся в юрисдикции других государств. Как свидетельствует практика, особенно ощутимым для нейтрализации источников такого финансирования является также перекрытие наркотрафика из-за рубежа в Соединенные Штаты как одного из основных источников поступления средств для террористических организаций [1].

Объяснимо поэтому, что одним из стратегических и чрезвычайно важных направлений в противостоянии США с транснациональным терроризмом являются расширение антитеррористического сотрудничества с другими

государствами, объединение с ними усилий в плане оказания взаимной помощи в профессиональной подготовке специалистов по борьбе с терроризмом, обеспечения конфиденциальной информацией и современными технологиями, вооружением и другими материальными ресурсами. В равной мере это проявляется и в налаживании сотрудничества в данной области с зарубежными разведывательными и другими специализированными службами в проведении совместных антитеррористических операций [9].

Наряду с этим достаточно эффективным инструментом противодействия терроризму являются активно используемые Соединенными Штатами, с одной стороны, экономические санкции против стран, сотрудничающих с террористами, и с другой – экономические программы помощи государствам, преследующим террористов главным образом на своей территории (Израиль, Ирак, Ливан, Афганистан). Очевидно, таким образом, что, понимая бесперспективность односторонних действий в борьбе с очагами терроризма в глобальном измерении, Соединенные Штаты ясно осознают возможность достижения успеха в этом лишь с привлечением значительного числа государств-участников в международную антитеррористическую коалицию, с ее масштабностью, комплексностью и координацией действий всех участников.

Вместе с тем приходится констатировать, что существенным недостатком предпринимаемых США усилий в данном направлении все еще является отсутствие по-настоящему систематического характера такой координации. И это вполне объяснимо существованием в целом ряде случаев препятствий для полноценных контактов и сотрудничества американской стороны с другими государствами в контексте борьбы с транснациональным терроризмом, особенно в Афганистане и Сирии. Речь идет, в частности, о различиях в подходах США и России в рамках стратегии противодействия терроризму в упомянутых регионах, что препятствует эффективной кооперации между Соединенными Штатами и Российской Федерацией как на двустороннем уровне, так и в многостороннем формате. Но очевидно и другое (и в этом сходятся специалисты по анализируемой проблеме): противодействие терроризму все же является тем направлением, в рамках которого между США

и Россией никогда не прекращалось сотрудничество, несмотря на возникавшие противоречия и трудности [7].

Оценивая в целом содержание современной американской стратегии и развитие основных тенденций противодействия терроризму, мы констатируем, что их отличительной особенностью сегодня является стремление Соединенных Штатов к координации всех основных направлений антитеррористической деятельности: осуществление упреждающих мер прямого военного давления на террористические формирования внутри и за пределами США; политический и экономический прессинг на государства-спонсоры террористических организаций. Причем объединяющим началом для упомянутых элементов противодействия является стремление не допустить осуществление террористических актов прежде всего на своей территории, принятие упреждающих мер обеспечения в первую очередь внутренней, национальной безопасности США. Как свидетельствует развитие событий сегодня, координацию усилий в осуществлении такой стратегической задачи достаточно эффективно реализуют Национальный контртеррористический центр США (US National Counterterrorism Center), Министерство внутренней безопасности США (Department of Homeland Security) и ряд других государственных структур. Вместе с тем, на периферии этой стратегии остается, как представляется, главное: применение профилактического элемента, особенно в противостоянии с внутренним терроризмом. Речь идет о необходимости с большей эффективностью использовать механизмы разрешения социальных, политических, религиозных противоречий и конфликтов как основных детерминантов, главных источников терроризма, в том числе и в Соединенных Штатах Америки.

Воронин Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: voroninya@yandex.ru.

Беляева Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: beliaevaim@susu.ru.

Кухтина Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: uripiip@mail.ru.

Литература

1. Воронин Ю. А. Транснациональная организованная преступность / Ю. А. Воронин. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – 72 с.
2. Ефремов, А. Е. Этапы развития законодательства США по борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 года / А. Е. Ефремов. – Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 3. – С. 88–94.
3. Загладин, Н. В. Международный терроризм: истоки, проблемы, противодействие / Н. В. Загладин, Б. Г. Путилин. – М.: Русское слово, 2006. – 152 с.
4. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом / отв. ред. И. С. Власов. – М., 2002. – 144 с.
5. Канафина, Г. Е. К вопросу о политике США в области борьбы с международным терроризмом / Г. Е. Канафина. URL: <http://www.Albest.ru>.
6. Литовкин, В. Военный эксперт о стратегии США / В. Литовкин. URL: Яндекс.ру.
7. Степанова, Е. А. Россия и США в борьбе с терроризмом / Е. А. Степанова. URL: Яндекс.ру.
8. Bruce Hoffman. Inside Terrorism: Columbia University Press. – N.Y., 1998. – 288 p.
9. Michael R. Ronezkowski. Terrorist and Organized Hate Crime. – CRC PRESS., London, N.Y., Washington D. C., 2004. – P. 256.
10. The National Security Strategy of the United States of America. 2006. URL: www.whitehouse.gov/nsc/2006.
11. USA Patriot Act of 2001 // Public Law. № 107–56. P. 735.
12. Public Law. №. 114–102 (18.12/2015), H.R. 2297. United States Congress.
13. United States Code. 1994 Edition, Title 18. 3231, W., 1995.
14. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/defaultfiles/docs/2015_national.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2019 г.

THE STRATEGY TO COMBAT TERRORISM IN THE UNITED STATES: CONTEMPORARY TRENDS

Yu. A. Voronin, I. M. Beliaeva, T. V. Kukhtina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the evolution of the US strategy in the fight against terrorism after the events of September 11, 2001 and to the present. The authors provide an overview of the elements and trends of the modern development of the system of counteraction to both domestic and international terrorism, and reveal the process of multilateral cooperation between the United States and other states to solve this problem. The article assesses the degree of effectiveness of steps taken by the United States to implement counter-terrorism measures. It is concluded that the existing conceptual approach to the preventive element of the US counterterrorism strategy needs substantial modernization.

Keywords: legal regulation, terrorist crimes, national interests of the United States, international community, national security strategy, fight against terrorism.

References

1. Voronin YU. A. *Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost'* [Transnational organized crime]. Yekaterinburg, 1997, 72 p.
2. Efremov A. E. [Stages of development of the legislation of the USA on fight against terrorism after September 11, 2001]. *ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. [Journal of foreign legislation and comparative law], 2017, no. 3, pp. 88–94.
3. Zagladin N. V., Putilin B. G. *Mezhdunarodnyy terrorizm: istoki, problemy, protivodeystviye* [International terrorism: origins, problems, counteraction]. Moscow, 2006, 152 p.
4. Vlasov I. S. *Zarubezhnoye zakonodatel'stvo v bor'be s terrorizmom* [Foreign legislation in the fight against terrorism]. Moscow, 2002, 144 p.
5. Kanafina G. E. *K voprosu o politike SSHA v oblasti bor'by s mezhdunarodnym terrorizmom* [On the issue of U.S. policy in the field of combating international terrorism]. Available at: www.Albest.ru.
6. Litovkin V. *Voyennyi ekspert o strategii SSHA* [Military expert on US strategy]. Available at: YAndeks.ru.
7. Stepanova E. A. *Rossiya i SSHA v bor'be s terrorizmom* [Russia and the United States in the fight against terrorism]. Available at: YAndeks.ru.
8. Bruce Hoffman. *Inside Terrorism*: Columbia University Press. – N.Y., 1998. 288 p.
9. Michael R. Ronezkowski. *Terrorist and Organized Hate Crime*. – CRC PRESS., London, N.Y., Washington D. C. 2004. P. 256.
10. The National Security Strategy of the United States of America. 2006. URL: www.whitehouse.gov/nsc/2006.
11. USA Patriot Act of 2001 // Public Law. № 107–56. p. 735.
12. Public Law. №. 114–102 (18.12/2015), H.R.2297. United States Congress.
13. United States Code. 1994 Edition, Title 18. 3231, W. 1995.
14. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/defaultfiles/docs/2015_national_security_strategy.pdf

Yuri Alexandrovich Voronin – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: voroninya@yandex.ru.

Irina Mihailovna Beliaeva – Candidate of Sciences (Law), associate, Head Professor of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: beliaevaim@susu.ru.

Tatyana Vladimirovna Kukhtina – senior lecturer of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: upiup@mail.ru.

Received 15 October 2019.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Воронин, Ю. А. Стратегия борьбы с терроризмом в США: современные тенденции / Ю. А. Воронин, И. М. Беляева, Т. В. Кухтина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 7–13. DOI: 10.14529/law190401.

FOR CITATION

Voronin Yu. A., Beliaeva I. M., Kukhtina T. V. The strategy to combat terrorism in the united states: contemporary trends. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 7–13. (in Russ.) DOI: 10.14529/law190401.
